

А. Н. Китова
(научный руководитель *Т. Н. Бреева*)
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия

Своеобразие презентации автофикшна в романе О. Васякиной «Рана»

Аннотация: в статье рассмотрено понятие «автофикшн», его появление в литературе и использование в современной прозе, отдельно выявляются стратегии презентации автофикшна. В романе «Рана» О. Васякиной данная жанровая стратегия применяется при построении сюжета путешествия и тела. Автофикшн используется для выстраивания женской субъективности.

Ключевые слова: автофикшн, фем-проза, метамодернизм, нарратор.

Термин «автофикшн» появился в 1977 году в предисловии Сержа Дубровского к его роману «Сын». Здесь же автор дает определение этому понятию: «вымысел абсолютно достоверных событий и фактов». Ф. Лежен утверждает, что «автобиографическое» и «романное» начала должны быть разграничены, их смешение исследователь называет нарушением жанровой целостности. Начинаются споры о том, чем является автофикшн – разновидностью автобиографического жанра или самостоятельным жанром. В. Колонна заявляет, что этот «жанр» присутствует в литературе с древних времен, С. Дубровский рассматривает его как современное явление. Однако многие западные ученые, учитывая концепцию В. Колонна, говорят о том, что первым автофикшном является роман М. Пруста «В поисках утраченного времени». В итоге утвердилась концепция того, что автофикшн как жанр зарождается во французской литературе в XX веке.

Широкая популярность автофикшна в современной литературе связывается с тенденцией «новой искренности» в литературе метамодернизма. В контексте русской литературы следует говорить о двух этапах в ее презентации. В первом случае «новую искренность» рассматривают как часть русского концептуализма. Представитель московского концептуализма Б. Гройс называет это явление «лиризмом». К авторам, пишущим в данном направлении, относят Э. Лимонова, С. Гандлевского.

Во втором случае автофикшн рассматривается в контексте метамодернизма. Л. Тернер отмечает: «Метамодернизм означает подвижное состояние между и за пределами: иронии и искренности, наивности и понимания, релятивизма и истинности, оптимизма и сомнения, в погоне за множеством несоизмеримых и ускользающих горизонтов». В «новой искренности» этого времени становится важным не содержание, а форма изложения. Нас не интересует правдивость исповеди автора, важным становится то, какие приемы используются. В произведениях, где исследователи находят «новую искренность», отмечается крайне эмоциональное описание чувств героев, некоторые монологи передаются с помощью приема «потока сознания», присутствует крайний натурализм – все это передается с особой искренностью. В русской литературе представителем данного направления можно назвать Дмитрия Данилова и его роман «Описание города», который тяготеет к автофикшну.

В женской прозе автофикшн связан с автобиографическим нарративом, который является одним из способов конструирования женской субъективности. В данном случае процесс гендерной идентификации происходит через категорию *Другого*, отсюда выделяется двойственность и появление стратегии «двойного голоса». Н. И. Павлова формулирует суть данной стратегии так: «явление “двойного голоса” создает специфический герметизм женских текстов, интерпретируя их как своеобразное “письмо для себя”, когда самое значительное оказывается нарративно “спрятано”, в то время как на поверхность текста “выпускается” преимущественно социально очевидное или социально востребованное» [Павлова, с. 82]. Данная теория строится на опыте западных писательниц XVIII – начала XX века. Важным представляется и то, что описывается не только собственный опыт, но и появляется

стремление к «автомифу», что указывает на появление и развитие стратегии автофикшна. Среди зарубежных писательниц, обращающихся к этому жанровому образованию, называют Э. Гилберт (роман «Есть, молиться, любить»), Шейлу Хети («Материнство»), Анни Эрно («Событие»).

В отечественной фем-прозе рубежа XX–XXI веков можно наблюдать, с одной стороны, постоянное широкое присутствие автогинографического нарратива, а с другой, его трансформацию. Т. Н. Бреева отмечает, что в фем-прозе 1990-х годов мы наблюдаем расширение автогинографического нарратива с одновременным редуцированием стратегии non-fiction, в последнее десятилетие автогинографический нарратив все больше принимает форму автофикшна. Среди современных писательниц, обращающихся к стратегии автофикшна, выделяют Оксану Васякину, Евгению Некрасову, Анну Старобинец, Аллу Горбунову и др.

Современная фем-проза развивается в контексте четвертой волны феминизма, одной из значимых черт которой является интернет-активизм, становящийся средством для представления и формулировки теории того или иного нового культурного явления. При этом важно, что акцент делается на личное понимание и представление какого-либо понятия.

Мы отмечаем, что автофикшн в женской прозе развивается и теоретизируется через интернет-активизм. Писательницы активно выражают свою собственную позицию относительно этой жанровой стратегии. Так, Оксана Васякина отмечает: «Автофикшн же – это изначально текст, пишущийся для других. Автофикшн смыслят как изначально литературное произведение. Его часто путают с дневником, потому что в нем, как пишут комментаторы, много искренности и открытости чувств. Но это и есть главная особенность этого вида письма. Искренность здесь выступает как прием, он намеренный. И самая жестокая ловушка автофикшна заключается в том, что читатель никогда не узнает, правда ли автор или авторка испытывали эти чувства». Здесь мы можем выделить некоторые черты автофикшна: исповедальность и искренность, изображение травмы и ее осмысления, присутствие вымысла. Исповедальность и «обнажение» отсылают нас к явлению «новой искренности», в которой они выступают приемом.

Таким образом, автофикшн позволяет автору открыто говорить о тяжелых, сложных, часто трагических моментах своей жизни. Авторы стремятся к исповедальности, отмечается предельная откровенность: в текстах часто присутствуют подробные описания биологических процессов, размышления главного героя часто становятся деструктивными, поднимаются табуированные темы. Автофикшн формально соединяет документальность и дневниковость. Писательницы заявляют, что автофикшн – это не просто текст о себе, это создание себя через текст.

Существует два варианта развития стратегии автофикшна в современной женской прозе. Первый тип можно описать на примере романа «Кожа» Е. Некрасовой. Роман имеет метатекстовую структуру: история крепостной крестьянки Домны и чернокожей рабыни Хоуп обрамляется диалогом двух нарраторов. Один из них – Братец Череп – за ним закреплено основное повествование. Этот нарратор отсылает нас сразу к нескольким литературным образам: Братец Кролик из произведения Д. Харриса «Сказки дядюшки Римуса» и Йорик из трагедии Шекспира «Гамлет». Второй нарратор – девушка, является носителем квазибиографической природы.

Метатекстовая структура задает характер репрезентации автофикционального письма. На протяжении романа происходит постепенное втягивание нарратора в фиктивную историю. Если в «Пилотный словах» мы наблюдаем выделенную авторскую маску, имитирующую позицию вневнепринадлежности по отношению к вымышленному миру, то в финале грань между нарратором и героинями стирается.

На протяжении романа постоянно акцентируется квазибиографическая природа нарратора, сведения, отсылающие нас к жизни писательницы. Так, одним из самых очевидных рассказов является история получения девушкой литературной премии имени А. С. Пушкина. Сообщается о премии «Лицей за сборник прозы “Несчастливая Москва”» в 2017 году. Причем

одновременно говорится о том, что ее подруга Оксана получила эту премию. Здесь автор не скрывает детали биографии. Так, подруга Оксана – это также молодая писательница Оксана Васякина.

В романе “Кожа” наблюдается явное смешение вымысла с автобиографией, следовательно, можно говорить об использовании автофикционального письма, причем, автор отказывается от полномасштабного использования жанрового формата автофикшна в пользу синтеза автофикшна и романного формата.

Второй вариант презентации автофикшна представлен в романе «Рана» О. Васякиной. Несмотря на то, что нигде нет указания на то, что одним из персонажей произведения является сама Оксана Васякина, мы можем, как и в отношении романа Е. Некрасовой, говорить о том, что произведение строится на личном опыте писательницы. С самого начала романа О. Васякина говорит, что она пишет о смерти матери, в «Ране» мы находим ряд соответствий с жизнью автора.

Отдельно стоит сказать про дневниковость «Раны». Этот прием находит отражение в фрагментарном и обрывочном повествовании. В романе сюжет не линейный, характерны скачки от одной части повествования к другой, при этом части могут не иметь точной смысловой связи. Так, некоторые отрывки не играют никакой роли в сюжете, но передают эмоциональное состояние повествователя. Все это создает эффект искренности, подчеркнутого обращения к дневниковости.

В произведении мы наблюдаем два варианта пути героини. Первый – это путь смерти. Роман характеризуется нелинейным повествованием: в первой главе описываются похороны, а в каждой последующей – рассказываются разные истории, связанные с матерью и жизнью самой героини. Отдельное внимание уделяется истории умирания матери. Далее описывается то, как героиня вместе с урной с прахом матери добирается разными видами транспорта из Волгограда в маленький город Усть-Илимск с целью похоронить мать в родном городе. На протяжении всего этого пути героиня пытается осмыслить смерть матери и ее отсутствие в своей жизни.

Второй вариант пути – творческий. На протяжении романа писательница пытается осознать свое письмо, зачем она пишет, как и для кого. В повествование вплетаются рассказы об учебе в Литературном институте, первых опытах письма и сами произведения. Так, в романе присутствует цикл стихотворений «Ода смерти». Поразительно, но скорбное путешествие с прахом в Сибирь совпадает с маршрутом запланированных повествовательницей ее поэтических вечеров в Новосибирске. О. Васякина сама называет этот путь «поездкой к себе», то есть процессом творческой и личной самоидентификации.

В романе мы наблюдаем процесс сепарации дочери от матери на физическом и ментальном уровне. Начальным этапом становится фиксация абсолютного единства матери и дочери. Свидетельством этого является фотография, где маленькая героиня сидит на коленях матери. Автор пишет: «На этом фото я и мама неотделимы друг от друга, будто мы – двухголовое существо» [Васякина, с. 173]. Отражением подобного единства становится и ситуация телесной близости, когда во время болезни матери повествовательница спит с ней на одном диване. И только после смерти матери происходит некоторое «отсоединение» – и тут автор романа обращает внимание на физиологические подробности, благодаря которым учится на телесном уровне дифференцировать себя и мать.

Таким образом, в женском автофикциональном письме утверждается идея уникальности личного опыта. В романе О. Васякиной «Рана» мы можем выделить своеобразие использования стратегии автофикшна. Стоит обратить внимание на включение в «Рану» нескольких жанров (эссе, стихотворные формы, дневник) – построение, по словам автора романа, «лоскутного текста», важно, поскольку процесс самопознания замещается здесь процессом самоописания становления женской субъектности.

Литература

Афанасьев А. С. Стратегии гендерных репрезентаций в русской женской литературе 1980–2010-х гг: дис. ... док. филол. наук. Казань, 2022.

Бреева Т. Н. Трансформация автобиографического нарратива в русской гендерно-маркированной прозе 1990–2020-х годов // Филология и культура. – 2023. – №3. – С. 87–92.

Васякина О. Рана. 2-е изд. М. : НЛО, 2022.

Левина-Паркер М. Введение в самосочинение: autofiction [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/3/vvedenie-v-samosochinenie-autofiction.html> (дата обращения: 19.04.2024).

Некрасова Е. Кожа : [роман]. М. : Popcorn Books, 2022.

Павлова Н. И. Возможно ли прочесть «женское письмо»? К проблеме гендерно ориентированной нарратологии // Мир русского слова. – 2013. – №3. – С. 79–84.

Kitova A. N. The originality of the presentation of autofiction in O. Vasyakina’s novel “Wound”

Abstract. This article examines the concept of “autofiction”, its appearance in literature and its use in modern prose. Strategies for presenting autofiction are separately identified. In the novel “The Wound” by O. Vasyakina, this genre strategy is used in constructing the plot of the journey and the body. Autofiction is used to construct female subjectivity.

Keywords: autofiction, femme fiction, metamodernism, narrator.